

**ВОПРОСЫ
СОСТАВЛЕНИЯ
ОПИСАТЕЛЬНЫХ
ГРАММАТИК**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
СОСТАВЛЕНИЯ
ОПИСАТЕЛЬНЫХ
ГРАММАТИК

Сборник статей

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

С. Г. Бархударов,

Н. А. Баскаков

А. А. Реформатский

ОТ РЕДАКЦИИ

1

Сборник «Вопросы составления описательных грамматик» — одно из мероприятий учрежденной при Институте языкознания АН СССР Координационной комиссии по описательным грамматикам. Авторский коллектив и редакционную коллегию сборника составили 14 научных сотрудников Института языкознания АН СССР и 9 сотрудников других, главным образом периферийных, институтов национальных республик.

Сборник построен на материале преимущественно языков народов Советского Союза и посвящен разнообразным (общим и частным) вопросам описательной грамматики. Необходимость подобного труда диктовалась прежде всего пожеланиями лингвистов национальных республик, высказанными на координационных совещаниях в 1954—1955 гг.

Перед составителями грамматик отдельных языков до сих пор возникают значительные трудности в определении тех или иных грамматических категорий. Эти трудности связаны с отсутствием общепринятой точки зрения по таким, например, вопросам, как принципы выделения частей речи, теория падежей именного склонения, определение глагольных категорий, вопрос о разграничении простого и сложного предложений и ряд других.

Конечно, данный подбор статей не может обеспечить всей полноты картины, связанной с описательными грамматиками всех языков народов СССР и всех грамматических категорий. Однако эти статьи могут представить общий интерес для специалистов в области разных языков, в частности дать дополнительный материал для характеристики той давно осужденной в лингвистике ошибки, в какую все же и до сих пор впадают еще некоторые составители грамматик малоизученных языков, когда они факты отличного по грамматическому строю языка подгоняют под схему русской грамматики.

По охвату языков, материалы которых представлены в сборнике, статьи распределяются следующим образом: *индоевропейские языки* (русский, белорусский, литовский, молдавский, осетинский, а также английский, испанский и немецкий); *алтайские языки*, *финно-угорские* и *ибериjsко-кавказские*.

2

Сборник открывается общетеоретической статьей А. А. Белецкого (Киев) «Описательное языкознание как отрасль общего языкознания», выясняющей лингвистические аспекты подхода к описанию языковых материалов и место описательной грамматики в системе лингвистических дисциплин.

Проблемам описательной грамматики в пределах одного языка посвящена статья М. Г. Булахова «Некоторые вопросы описательной грамматики белорусского языка».

Затем следуют статьи К. Е. Майтинской «Принципы составления описательных грамматик финно-угорских языков» и Н. А. Баскакова «Предложение и словосочетание в тюркских языках», в которых рассматриваются отдельные вопросы грамматического строя семьи или группы языков.

В статьях Т. А. Бертагаева, Б. Х. Балкарова и О. П. Суника исследуется вопрос о частях речи на материале языков разных семей и различного строя.

Две статьи — К. А. Левковской и Н. Д. Арутюновой — на материале германских и романских языков освещают общие спорные вопросы морфологии.

Синтаксические вопросы в сборнике сконцентрированы вокруг разграничения придаточных предложений и так называемых оборотов как элементов простого предложения. Их освещают работы М. Ш. Ширалиева, М. А. Аскаровой и А. В. Суперанской. Статья Б. И. Ваксмана посвящена грамматической роли порядка слов.

Глагольным категориям (вида, наклонения, залога) посвящены статьи Т. И. Бухене, Н. З. Гаджиевой, М. С. Михайлова и А. А. Юлдашева. Именным формам — статьи Н. Х. Кулаева, Т. В. Булыгиной и П. Н. Перевощикова.

Несмотря на традицию включения фонетики в описательную грамматику того или иного языка, традицию, поддержанную авторитетными теоретическими доказательствами Л. В. Щербы, настаивавшего на включении фонетики в грамматику¹, все же в данный сборник фонетические статьи помещены не были, так как редакция рассматривает фонетику как особую лингвистическую дисциплину с особыми, ей присущими методами. Что касается бесспорной связи фонетики и грамматики, то этот вопрос был достаточно освещен в сборнике «Вопросы грамматического строя» (М., 1955), куда и отсылаем читателя.

Редакция отмечает, что статьи, помещенные в настоящем сборнике как высказывания о возможных аспектах разрешения поставленных проблем, относятся к вопросам, которые обсуждались на координационных совещаниях 1956—1958 гг.

Все замечания и пожелания по данному сборнику просьба направлять в Институт языкознания АН СССР, Москва, Китайский проезд, 7.

¹ «Грамматика русского языка», т. I—II. М., Изд-во АН СССР, 1952—1954, стр. 14 и др.

І. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГРАММАТИК

А. А. БЕЛЕЦКИЙ

ОПИСАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК ОТРАСЛЬ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Уже в античной филологии (приблизительно от V в. до н. э. до V в. н. э.) намечились два направления в области исследования языков: эмпирическое (прикладное, практическое, описательное) и философское (умозрительное, теоретическое), хотя они были тесно связаны друг с другом. Оба они легли в основу той традиции изучения языкового материала, без которой немыслимо было бы наше современное языкознание.

Только в XIX в. языкознание (тогда возникло и само название: Sprachwissenschaft, the science of language, linguistics, linguistique, językoznawstwo, языковедение или языкознание) отделилось от филологии как более или менее самостоятельная наука. До этого времени в пределах филологии шла работа, с одной стороны, над составлением грамматик отдельных языков (попытка создания всеобщей грамматики, как известно, не дала существенных результатов) и, с другой стороны, над составлением словарей отдельных языков.

Одним из пропагандистов новых методов исследования языков на рубеже XVII и XVIII вв. оказался немецкий философ Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646—1717), который указывал на необходимость изучения неизвестных языков, снаряжения для этого специальных экспедиций, составления карт распространения языков, изобретения единого для всех языков алфавита. Насколько в этом отношении он опередил развитие науки, можно судить хотя бы по тому, что только во второй половине XIX в. находит применение универсальная фонетическая транскрипция (одна из первых систем фонетической транскрипции принадлежит немецкому египтологу Рихарду Лепсиусу, 1810—1884) ¹.

Прежде чем начались сравнительно-исторические исследования, которые заложили основы современного нам сравнительно-исторического языкознания, философское направление возродилось и нашло яркого выразителя в лице Вильгельма Гумбольдта (1767—1835). Это направление в значительной мере помогло определить тот круг вопросов, ответы на которые должно было бы дать с течением времени общее языкознание.

Философско-лингвистические взгляды В. Гумбольдта изложены в его «Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts» (напечатанном в качестве введения к «Über die Kawsprache. . .», 1836—1840) ², они оказали

¹ R. Lepsius. Standard alphabet for reducing unwritten languages... to an uniform orthography. Leipzig, 1855.

² О развитии этого направления исследований в области языкознания см. в кн.: Gertrud Pätsch. Grundfragen der Sprachtheorie. Halle (Saale), 1955, в разделах о В. Гумбольдте, Г. Штейнтале, Г. Пауле, В. Вундте, Э. Кассирере, К. Бюлере.

в разной мере влияние на первых представителей исторического и сравнительно-исторического языкознания — Якоба Гримма (1785—1863), Расмуса-Кристиана Раска (1787—1832), Франца Боппа (1791—1867), А.Х. Востокова (1781—1864) и др.

Однако не это возрожденное В. Гумбольдтом философское направление исследований, а сами сравнительно исторические исследования привели к окончательному выделению языкознания из пределов филологии.

Что же касается упомянутого нами эмпирического (или описательного) направления исследований, то оно продолжало существовать под сенью античной филологической традиции, но тесно переплеталось как с гумбольдтовским, так и с бопповским направлениями. О его самостоятельности стало возможным говорить только тогда, когда при необходимости изучать языки, по своему строю значительно отличающиеся от древнегреческого, латинского, санскрита, литовского, готского, старославянского и т. п., универсальная применимость античной грамматической традиции была поставлена под сомнение.

Даже если бы мы не располагали фактами из истории языкознания, мы могли бы предположить, что именно описательное языкознание должно быть древнейшей отраслью науки о языке. Здесь мы можем говорить только о последнем и хронологически наиболее близком к нам периоде развития этой отрасли языкознания. Само собой разумеется, что стимулом ее развития явилось изучение таких языков, история которых была неизвестна, которые не имели своей письменности и родство которых с известными языками не было установлено.

Как на образец описания одного из таких языков, можно сослаться на опыт известного санскритолога Отто Бётлингга «О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языковедения»³.

Большое значение для усовершенствования приемов обработки языкового материала имели труды американско-индианиста Франца Боаса (F. Boas) и его учеников (Майкельсона, Сепира, Блумфилда и др.). Соображения Франца Боаса относительно сущности описательного языкознания изложены в его «Введении» к первой части обобщающего труда «Handbook of American Indian Languages»⁴.

Отметим, что описание луороветланского или чукотского языка для этого издания составил известный русский этнограф и писатель В. Г. Богораз-Тан (1865—1936)⁵.

Автор статьи «Изменение основного направления в языкознании особенно в период от Пауля до Блумфилда» Джордж С. Лейн⁶ (не без некоторой тенденциозности) настаивает на том, что значение исследований американско-индейских языков для описательного языкознания можно сравнить со значением открытия и изучения санскрита для сравнительно-исторического языкознания в начале XIX в.

Для автора упомянутой здесь статьи, который противопоставляет сравнительно-историческому языкознанию прошлого века описательное (или дескриптивное) языкознание нашего века, кодексом первого является

³ «Ученые записки АН по 1 и 3 отд.», т. 1, вып. 4. СПб., 1853, стр. 377—446; ср.: O. Böhtlingk. Über die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. СПб., 1848—1851.

⁴ Handbook of American Indian Languages, Bulletin 40 of American Ethnology. Smithsonian Institute, Part I. Washington, 1911.

⁵ Там же, Part II (Chukchee). Washington, 1922.

⁶ George S. Lane. Changes of Emphasis in Linguistics with Particular Reference to Paul and Bloomfield. «Studies in Philology» (University of North Carolina Press), v. XLII, № 3, 1945, стр. 465—483.

широко известная книга Германна Пауля «Prinzipien der Sprachgeschichte»⁷, а кодексом второго — менее известная у нас книга Леонарда Блумфилда «Language»⁸.

Едва ли много надо говорить о том, что развитие сравнительно-исторического языкознания не остановилось на несомненно выдающейся для своего времени и в настоящее время остающейся весьма поучительной книге Германна Пауля «Основы истории языка». Такие книги, как «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» Антуана Мейе⁹ и его же «Сравнительный метод в историческом языкознании»¹⁰ или «Индоевропейские исследования» Ю. Куриловича¹¹, знаменуют дальнейшие шаги в развитии не только сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, но и сравнительно-исторического языкознания вообще.

Трудно было бы также согласиться с тем, что для решения основной задачи описательного языкознания — создания общедоступной описательной грамматики отдельного языка — книга Л. Блумфилда «Язык» дает значительно больше, чем другие очерки общего языкознания¹².

У нас нет сомнения в том, что для занимающихся описанием отдельных языков весьма полезным должно оказаться знакомство с таким изданием, как «Les langues du monde par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et Marcel Cohen» (Paris, 1952).

Устрашающими для начинающих могут показаться ее размеры (1294 стр.), и поэтому мы позволим себе сослаться на самое скромное в смысле размеров пособие такого рода — книжечку Франца Н. Финка «Die Haupttypen des Sprachbaus» (Leipzig, 1910), в которой всего 156 страниц.

Несмотря на значительные достижения в области описания языков различного строя, у нас до сих пор еще наблюдается отставание теории от практики.

Наряду с изданием учебников и грамматических очерков наиболее распространенных языков мира (китайского, английского, хинди и урду, испанского, немецкого, японского, тамильского, французского, арабского, персидского, хауса, итальянского, турецкого и других), одним из крупных достижений описательного языкознания было издание кратких обзоров грамматического строя различных языков. Мы имеем в виду серию «Строй языков» (выпуски 1—12, 1935—1939), которая, к сожалению, не имела продолжения после Великой Отечественной войны и не включала описания языков Советского Союза¹³. Для устранения (по мере сил и возможностей) упомянутого отставания составителям грамматик отдельных языков необходимо постоянно обмениваться опытом и всячески избегать узких рамок профессионального традиционализма.

Широкий обмен опытом в деле изучения разнотипных языков должен привести к определению основ общей теории. Отношения общего, истори-

⁷ Первое издание вышло в 1880 г., пятое — в 1920 г.

⁸ L. Bloomfield. Language. New York, 1933; ср. L. Bloomfield. Introduction to the Study of Language. New York, 1914.

⁹ A. Meillet. L'introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes. Paris, 1903.

¹⁰ A. Meillet. La méthode comparative en linguistique historique. Oslo.

¹¹ J. Kurylowicz. Etudes indoeuropéennes. Kraków, 1935.

¹² Ближе к решению этой задачи подходят книги: B. Bloch and G. L. Trager. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942; L. Bloomfield. Outline Guide for the Practical Study of Foreign Languages. Baltimore, 1943.

¹³ В 1960 г. начала выходить новая, иного типа, но также весьма полезная серия монографий языков мира, публикуемая Издательством восточной литературы.

ческого, сравнительно-исторического, сопоставительного и описательного языкознания в настоящее время нам представляется в следующем виде:

Общее языкознание	Установление законов развития языков	Описательное языкознание	Методика исследования языков	Описание строя языков и их словарного состава
		[Сопоставительное языкознание]		
		Сравнительно-историческое языкознание		
		[Историческое языкознание]		
		Географическое языкознание (глоттография)		

Наша задача здесь сводится к следующему:

1) указать на то, что наряду со сравнительно-историческим языкознанием, пользующимся сравнительно-историческим методом (и соответственными приемами исследования), может и должно существовать описательное языкознание со всеми приемами точного описания фактов (инструментально-экспериментальный метод, статический метод, сопоставительный метод и др.);

2) указать на то, что описательное языкознание, которое должно являться теоретической основой обычных описательных грамматик различных языков мира, до сих пор еще в значительной мере опирается на традицию античной филологии — обстоятельство, которое для описания строя отдельных индоевропейских языков так называемого синтетического типа имело положительное значение, но при переходе к описаниям строя языков, типологически существенно отличающихся от этих индоевропейских, приобрело отрицательное значение;

3) указать на то, что описательное языкознание может и должно быть отраслью общего языкознания, имеющей неоспоримо большое значение для практического изучения языков, но вовсе не может и не должно отделяться непроходимой пропастью от прочих отраслей общего языкознания (от сопоставительного, исторического и сравнительно-исторического языкознания), не являясь наукой, в методологическом отношении не зависимой от прочих общественных наук.

Вполне естественно, что в данном очерке не представляется возможным изложить отдельные вопросы, связанные с общей проблемой последовательного, обстоятельного и практически целесообразного описания языкового строя. Значительное число вопросов, связанных с теоретическими основами описательных грамматик рассматривается в сборнике Института языкознания АН СССР «Вопросы грамматического строя» (М., 1955), к которому мы и отсылаем наших читателей.

* * *

К числу терминов, или, вернее, терминологических выражений, этимологическая структура которых находится в явном противоречии с современным их пониманием, относится уже укоренившееся в языковедческой литературе нашего века выражение — «описательная грамматика» (*grammaire descriptive*, *descriptive grammar*, *beschreibende Grammatik*, *gramatyka opisowa*).

Если бы не существовало исторических, сравнительно-исторических, сопоставительных и тому подобных грамматик, выражение «описательная грамматика» было бы тавтологическим. С первых шагов развития той

отрасли знаний, которая теперь повсеместно называется грамматикой, она понималась как описание языка.

У древних греков — это было описание письменной речи (разновидности языка): «Грамматика — это знание того, о чем преимущественно говорится у поэтов и писателей» (Дионисий Фракийец, 170—90 до н. э.).

Греческой *γραμματική* (τέχνη) у древних индусов соответствовало *vyākaraṇa* (разделение, разбор, анализ), т. е. филологический (следовательно, и грамматический) анализ священных текстов.

Следует отметить, что другие названия этой отрасли знаний возникли в отдаленные времена и независимо друг от друга. У арабов греческому названию наиболее соответствовало слово *ан-нахв* (направление)¹⁴, которым обозначается грамматика вообще и, в частности, синтаксис. Оно обычно дополняется словом *ас-сарф* (мена, изменение; флексия) и, таким образом, получается сочетание *ас-сарф-ва'н-нахв* (учение о флексии и синтаксис-грамматика).

Само собой разумеется, что учение о флексии заняло важное место в арабской грамматике в связи с той особенностью строя семитических языков, которая сближает их с индоевропейскими языками.

Напротив, в китайском языке греческой «грамматике» соответствует *юйфа* 'учение о словах или о языке' (*юй* 'язык, речь, слово', *фа* 'закон, правило, учение'), а в японском — *бумпō* 'учение о письменных памятниках' (*бун* 'литература, письменность, текст, сочинение, предложение' и *хō* 'закон, правило, учение', ср. китайское *фа*).

Хотя задача всякой грамматики — именно описание того или иного языка, эти последние по своей природе оказываются настолько разнообразными, что мы не найдем где-либо удовлетворительного общего определения нашего термина «грамматика».

Когда у нас речь идет о терминологическом выражении «описательная грамматика», мы должны понимать здесь определение (эпитет) в смысле «ограничивающаяся только описанием», но, разумеется, не как «содержащая описание»¹⁵. Однако для установления содержания этого выражения необходимо иметь в виду противопоставление различных типов описания (с исторической перспективой и без исторической перспективы, с учетом других языков и без учета их и т. п.).

Кроме того, следует принять во внимание, что описания бывают различными в зависимости от учитываемой нами стороны языка. Таких сторон может быть не меньше пяти:

- 1) звуковая (описательная фонетика),
- 2) морфологическая (при наличии в языке словоизменения — описательная морфология),
- 3) синтаксическая (при наличии в языке самостоятельных морфем и их сочетаний — описательный синтаксис),
- 4) лексическая (описательная лексикология).
- 5) стилистическая (при наличии в языке морфологической, синтаксической, фразеологической и лексической синонимии — стилистика).

Едва ли надо доказывать, что смысловая сторона языка не может быть отделена от названных здесь. Видимо, исключение представляет фонетика, которая на этом основании противопоставляется всем прочим аспектам языка. Однако при включении фонологии в пределы фонетики смысловая сторона в известной мере распространяется и на этот аспект.

¹⁴ В словаре В. Гиргаса (Словарь к арабской хрестоматии и Корану. Казань, 1881): «стремление, направление, путь, сторона, край, количество, число, образец, пример».

¹⁵ См. слово *описательный* у С. И. Ожегова (Словарь русского языка. М., 1953.).

Можно указывать на отсутствие последовательности в распределении форм слов по частям речи, но само это распределение с небольшими поправками остается неизменной основой морфологии. Нам достаточно сравнить восемь частей речи из учебника Дионисия Фракийца (ὄνομα, ἀντωνυμία, ἄρθρον, πρόθεσις, σύνδεσμος, ῥήμα, ἐπίρρημα, μέτοχη) с десятью частями речи, например, академической «Грамматики русского языка», т. I, 1952 (1 — имя существительное, 2 — имя прилагательное, 3 — имя числительное, 4 — местоимение, 5 — глагол с причастием и деепричастием, 6 — наречие, 7 — частицы, 8 — предлог, 9 — союз, 10 — междометие)¹⁶, — чтобы убедиться в прочности этой основы.

Однако ее прочность обусловлена строем индоевропейских языков, в которых оказывается таким наглядным противопоставление, с одной стороны, изменяемых и неизменяемых, а с другой — именных (существительные, прилагательные, местоимения, числительные) и глагольных (глаголы, причастия, деепричастия) частей речи.

Подобно тому как члены предложения группируются вокруг двух его центров (подлежащего и сказуемого), так и части речи сосредоточиваются вокруг имени и глаголов. Это было известно еще античным грамматикам, ср., например, «Partes igitur orationis sunt secundum dialecticos duae, nomen et verbum, quia hae solae etiam per se coniunctae plenam faciunt orationem, alias autem partes syncategoremata, hoc est consignificantia, appellabant» (Следовательно, согласно диалектикам, частей речи две — имя и глагол, потому что только эти части, будучи соединенными друг с другом, уже сами по себе составляют предложение, а прочие части они называли συγκατηγορήματα, т. е. сообразующими).

Много места в традиционной морфологии занимает описание способов так называемого «внешнего» словообразования (аффиксации и композиции, или основосложения), хотя в этой части словесный материал должен был бы принадлежать лексикологии.

Если мы раскроем ту же морфологию русского языка (в первом томе «Грамматики русского языка»), то сразу же заметим, что многие ее элементы, хотя они по смыслу должны принадлежать фонетике или синтаксису, ради удобства изложения помещены в этот отдел (например, вопросы, связанные с ударением, должны были бы рассматриваться в фонетике, а вопросы, относящиеся к порядку слов, и другие подобные — в синтаксисе).

Особенно наглядной оказывается зависимость так называемых грамматических категорий (τὰ γράμματα) каждой части речи от языкового строя при сопоставлении неродственных языков. Так, например, даже в индоевропейских языках оказались непостоянными категории грамматического рода, двойственного числа, среднего залога, сослагательного и желательного наклонений, исходного, творительного, местного и других падежей и т. д.

Хотя, отвлеченно рассуждая, и синтаксис в не меньшей мере, чем морфология, зависит от характера языкового строя, но на практике описательный синтаксис также оказывается традиционно обусловленным, особенно в той его части, которая относится к учению о членах предложения. Это учение, как известно, развилось из двойственного противопоставления подлежащего и сказуемого (ὀποῖον μὲν — κατὰγορεύμενον, subiectum — praedicatum), сочетание которых затем обросло «второстепенными» членами (συγκατηγορήματα).

Несмотря на всю сложность учитываемого в описательном синтаксисе языкового материала и на существенные различия в понимании его категорий, составные части современного нам синтаксиса установились

¹⁶ Второе издание — 1959 г.

довольно прочно. Кроме традиционного учения о членах предложения, мы находим здесь учение о видах предложений (изложение основ их классификации), учение о видах связи слов (вернее — форм слов) в предложениях (иначе — учение о словосочетаниях), описание порядка слов, или так называемый позиционный синтаксис. К этому можно прибавить еще учение о сочетании предложений (о периодах или о «надфразовых единствах»), а также о видах речи (прямая, косвенная, несобственно-прямая).

У авторов описательных синтаксисов до сих пор остается неопределенным отношение к синтагматике или учению о членении речевого потока на синтагмы¹⁷. Так, академическая «Грамматика русского языка» (т. II, ч. 1—2) вовсе обошлась без главы или раздела, посвященных синтагматике.

Если речь идет о так называемых полисинтетических языках северо-восточной Азии и Америки, то ясно, что характер их строя не оставляет исследователям возможности отделить синтаксис от морфологии.

Итак, наши представления о грамматике основаны на изучении грамматики (описания языкового строя) родного языка. А поскольку грамматика родного языка (здесь можно было бы уточнить — русского языка) в теперешнем ее состоянии зиждется на античной грамматической традиции (надо отдать справедливость Дионисию Фракийцу и Аполлонию Дисколу, Элию Донату и Прискиану из Кесареи Мавританской!), это представление в лучшем случае отображает факты некоторых древних (древнегреческого и латыни) и современных нам индоевропейских языков (ряда славянских, романских и германских языков).

Для людей, воспитанных на грамматике латинского языка, четко очерченным представляется членение грамматики на фонетику (она и до сих пор еще на практике преподавания совершенно незаслуженно остается в пренебрежении), морфологию (со словообразованием, которое может занять место и в лексикологии), синтаксис (содержание которого может оказаться весьма различным) и даже стилистику (возможно также как основами стихосложения).

Легко представить себе, что при переходе от латинской грамматики к грамматике, например, малайского языка границы привычных для нас отраслей грамматики окажутся во многом нарушенными. На месте морфологии останется только аффиксальное (внешнее) словообразование. Распределение слов по привычным для нас «частям речи» сразу же утратит свою четкость, так как у них сохранится лишь «смысловая» основа.

Приступающему к описанию языка часто нет необходимости задумываться над делением языковых фактов на лексические и грамматические. И те и другие должны быть извлечены путем предварительного анализа фонетического материала или же возможной графической передачи этого материала. Только после извлечения языковых фактов из «речевого потока» или соответственного текста может начаться их классификация.

Если признать, что никаких принципиальных границ между лексическими и грамматическими фактами в языках не существует, что распределение фактов между лексикой и грамматикой зависит от типов языкового строя и регулируется традициями, нам придется также признать более точным (как в области теории, так и в области практики) название «описательное языкознание», а не «описательная грамматика».

Методы описания, на которых основано современное нам описательное языкознание, должны быть разделены на: 1) методы собирания материала и 2) методы обработки материала.

¹⁷ См. В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка, Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 183—256.

Несомненно, что успехи современного нам описательного языкознания (механизация звукозаписи и звуковоспроизводства, возможность при помощи рентгеновских лучей и кинофотографии наблюдать естественное действие голосового аппарата и т. п.) привели к установлению диспропорции между обоими рядами методов описания языков. Методы собирания материала далеко опередили в своем развитии и совершенствовании методы анализа, классификации и интерпретации собранных фактов.

Теперь, когда все традиции описания языков в той или иной мере сочтались в трудах языковедов за последние полтора-два века развития языкознания как самостоятельной науки, едва ли можно было бы установить, на какой основе возникло современное описательное языкознание, не пересказав для этого историю общего языкознания.

Гораздо проще установить возникновение сравнительно-исторического языкознания, отделив его от сопоставительного. Некоторые элементы сопоставительного языкознания сложились еще в глубокой древности в недрах филологии и примитивного описания языков, в античном мире при sporadическом сопоставлении греческого и латинского или позже в трудах еврейских ученых из мавританской Андалусии (Ибн Курайш, 800; Иуда Хаюг, 1000; Ибн Эзра, 1100), разработавших сопоставительную грамматику семитических языков (древнееврейского, арабского, арамейского)¹⁸.

Следует отметить, что долгое время (до конца XVIII в. и начала XIX в.) сопоставления в европейской науке ограничивались областью лексики и оставляли в стороне грамматику. Таково, например, направление «Рассуждения о языках европейцев» (*«Diatriba de Europaeorum linguis»*) Иосифа-Юста Скалигера (1540—1609).

Первые европейские грамматики восточных языков (арабская грамматика Педро де Алькала, 1505; еврейская грамматика Рейхлина, 1506), естественно, были основаны на туземных грамматических традициях.

* * *

Итак, все описательные грамматики можно прежде всего разделить на: 1) просто описательные и 2) сопоставительные. В задачу первых входит последовательное описание грамматического строя: а) одного языка (например, современного русского) или даже б) разновидности языка (например, современного русского литературного языка). Напротив, в задачу сопоставления грамматик входит описание путем сопоставления грамматического строя двух (или же нескольких) языков либо а) одного из этих языков (в таком случае другой язык используется только как материал для сравнений или сопоставлений), либо б) обоих (соответственно — нескольких) сопоставляемых языков.

Часто у нас простые описательные грамматики делятся в зависимости от характера изложения материала на: а) школьные (начальные или элементарные) и б) научные. Такое противопоставление может привести к недооценке значения школьных грамматик в деле изучения языков.

К школьным грамматикам, несомненно, надо предъявлять требования простоты, последовательности и точности изложения материала. Если же школьная грамматика удовлетворяет этим требованиям, то нет оснований считать ее менее научной, чем так называемую научную грамматику.

Для правильной ориентации в типах описательных грамматик мы предлагаем противопоставлять: а) элементарные (или начальные) грамматики, в которых материал излагается в виде констатации отдельных образцов (парадигм), формулировки коротких правил и поправок к ним

¹⁸ Ср. J. R. Firth. *The Tongues of Men*. London, 1937, стр. 160.

(исключений), — т. е. с одной определенной точки зрения, и б) контроверзные грамматики, в которых учитываются различные взгляды и мнения при описании фактов языка, — грамматики, к которым нельзя предъявлять требования простоты изложения. Эти последние также используются как учебные пособия, но только на высших ступенях обучения.

В зависимости от назначения описательных грамматик можно различать еще: а) констативные и б) нормативные. В первых учитываются все факты и явления данного языка без всякой рекомендации их (без нормативной оценки), например то, что в русском литературном языке существуют два оборота; *отзыв на сочинение* и *отзыв о сочинении* в таких грамматиках лишь констатируется.

В нормативных грамматиках, напротив, не просто устанавливается существование тех или иных фактов, но производится отбор, стилистическая оценка и рекомендация, например: *характеристика на студента такого-то* — неправильно, нехорошо, не рекомендуется, а *характеристика студента такого-то* — правильно, и т. д., хотя в подобном случае не выражено различие между родительным объективным (g. obiectivus) и субъективным (g. subiectivus).

Наконец следует учесть, что могут существовать такие описательные грамматики, в которых описывается только одна разновидность данного языка (на данной ступени ее развития), и такие, в которых описывается параллельно несколько разновидностей данного языка (например, разговорный язык наряду с литературным, общенародный язык наряду с территориальными диалектами, две различные ступени развития одного и того же языка и т. п.).

Так как оба эти вида описательных грамматик желательно было бы обозначать специальными терминами, мы предложили бы для первого (описывающего только одну разновидность) название «монофазной» грамматики, а для второго — «полифазной» (используя слово *фазис* или *фаза*, как синоним «разновидности» языка). Ясно, что «полифазные» грамматики составляют переходный тип от просто описательных к сопоставительным грамматикам.

В качестве еще одного признака для деления на виды как просто описательных, так и сопоставительных грамматик можно упомянуть наличие или отсутствие своего письма для данного языка. В зависимости от этого признака можно различать грамматики «письменных» (имеющих свое традиционное письмо) и «бесписьменных» языков. При отсутствии традиционного письма в констативных грамматиках используются различные системы фонетических транскрипций. Однако нередко и при наличии для данного языка своего письма в описательных грамматиках применяются транскрипции и транслитерации¹⁹.

Так как сопоставительные грамматики противопоставлены нами просто описательным и рассматриваются как особый тип описательных грамматик вообще, усложненный вследствие необходимости охвата более широкого языкового материала, то мы остановимся и на их приблизительной классификации.

Так же как среди просто описательных грамматик мы различали элементарные и контроверзные, констативные и нормативные, монофазные и полифазные, мы и среди сопоставительных находим аналогии названным типам. Однако к этим типам мы должны прибавить в области сопоставительных грамматик еще следующие, установленные в зависимости от отношений сопоставляемых языков и от способов сопоставления:

¹⁹ См., например: А. М. Мерварт. Грамматика тамильского разговорного языка. Л., 1929 — Транслитерация; О. В. Плетнер и Е. Д. Поливанов. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930, транскрипция.

а) сопоставительная грамматика ²⁰ родственных языков и б) с. г. неродственных языков, в) с. г. родного и неродственного языков и г) с. г. двух (нескольких) неродных языков, д) с. г. параллельная (с перечислением как сходств, так и различий, иными словами — схождения и расхождения) и е) с. г. дифференциальная (с указанием только различий или расхождений сопоставляемых языков).

Следует еще обратить внимание на то, что полифазная сопоставительная грамматика по существу своему перерастает уже в сравнительно-историческую. Это также может служить доказательством, что между описательным и сравнительно-историческим языкознанием нет и не должно быть пропасти.

Основные типы описательных грамматик

	А. Описательные		Б. Сопоставительные
1	Элементарная Контроверзная	1	Элементарная Контроверзная
2	Констативная Нормативная	2	Констативная Нормативная
3	Письменного языка Бесписьменного языка	3	Письменного языка Бесписьменного языка
4	Монофазная Полифазная	4	Монофазная Полифазная
5	—	5	Родственных языков Неродственных языков
6	—	6	Родного и неродственного языков Неродных языков
7	—	7	Параллельная Дифференциальная

* * *

Если в настоящее время есть все основания называть сравнительно-историческое языкознание самостоятельной отраслью языкознания вообще или общего языкознания ²¹, то с наименьшей уверенностью можно говорить о независимом существовании описательного языкознания.

Чем же описательное или дескриптивное языкознание отличается от сравнительно-исторического? Ведь едва ли можно сомневаться

²⁰ Далее — с. г.

²¹ Ср. статью пишущего эти строки: «О дальнейших задачах сравнительно-исторического изучения языков» («Вопросы языкознания». М., 1955, № 2).

в том, что сравнительно-историческое языкознание не может обойтись без описания фактов и явлений, сопоставляемых на разных ступенях развития родственных языков.

Как ясно уже из самого названия, описательное языкознание должно быть теоретической основой научного описания грамматического строя или лексического состава языков. Можно утверждать, что описательное языкознание (следовательно, основа описания всех живых и мертвых языков мира, независимо от их родства и грамматического типа) является в настоящее время не сводом правил исчерпывающего описания языковых фактов, а лишь рассеянными в отдельных исследованиях, в грамматиках и учебниках обобщениями.

Конечно, здесь речь может идти об обобщениях опыта составления описательных грамматик отдельных языков. В такой же мере и сравнительно-историческое языкознание (не сравнительно-исторические грамматики отдельных семейств или групп родственных языков!) остается программой исследований, не получившей еще своего завершения в каком-либо капитальном труде вроде «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков» А. Мейе.

Таким образом, сравнительно-историческое языкознание и языкознание описательное существуют в настоящее время как две программы исследования языков, две линии развития науки, задачей которой является изучение исключительно сложного языкового материала.

Мы полагаем, однако, что их различие нельзя отождествить с намеренным Ф. де Соссюром противопоставлением диахронической, динамической, внешней лингвистики и лингвистики синхронической, статической, внутренней²². Эти две программы исследований представлялись Ф. де Соссюру параллельными, и вероятно, в значительной мере независимыми друг от друга.

Его прямые и косвенные последователи приложили усилия к тому чтобы сделать «внутреннюю лингвистику» вполне самостоятельной и самодовлеющей.

Наконец, между двумя мировыми войнами окончательно созрела в Западной Европе и Америке идея о том, что только «внутренняя лингвистика» может претендовать на звание самостоятельной науки о языке, разорвав связь с прочими общественными науками, в то время как «внешняя лингвистика» может стать одной из отраслей общей истории.

Место «внутренней лингвистики», или уже — «структурно-функциональной лингвистики», определяется в кругу наук, изучающих знаки; она признается отраслью общей науки о знаках («семиотики» Л. Ельмслева и других).

В отличие от такого понимания нам представляется вполне обоснованным считать описательное языкознание началом той линии исследований, завершением которой в настоящее время является сравнительно-историческое языкознание. Совершенно очевидно, что без той предварительной подготовки материала, которую должно обеспечить описательное языкознание, сравнительно-историческое языкознание не могло бы существовать.

Едва ли также можно недооценивать возможность хотя бы частичного решения такой задачи, как изучение последовательных изменений языков и восстановление фактов пройденных ступеней их развития.

Так как у нас иногда нечетко различают сравнительно-историческое языкознание (основанное на применении сравнительно-исторического метода) и сопоставительное (основанное на применении простого сопо-

²² Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, ч. I, гл. III, стр. 87—103; ч. II, гл. I, стр. 104 и след.

ставления языков независимо от их родства), нам придется остановиться на этом различии.

Сопоставление (или сравнение без учета изменений, развития, истории) — это один из самых распространенных приемов (соответственно — методов) изучения языкового материала, который может широко применяться в области описательного языкознания. Оно заключается в установлении сходств и различий двух или нескольких языков (соответственно — разновидностей языков) на определенных ступенях их развития. Мы можем сопоставлять, например, русский и украинский языки или русский и китайский. Наша задача при этом — описать факты сопоставляемых языков, способствовать делу их изучения, облегчить обучение и изучение.

Сравнительно-историческое изучение языков, основанное на сравнительно-историческом методе, существенно отличается от такого подхода к языкам.

Напомним о важнейших чертах сравнительно-исторического метода (соответственно — приемов исследования). По нашему мнению, они таковы:

1) сравнение языков, диалектов, разновидностей общенародного языка, различных ступеней развития одного и того же языка или разных языков с учетом их изменений, истории, совершенствования;

2) сравнение с учетом неравноценности (для восстановления фактов) сравнительного материала, с обязательным отделением главного от второстепенного, пережиточного и новообразованного в этом материале;

3) сравнение не отдельных фактов без учета их связи с прочими, но фактов, рассматриваемых как составные части некоторой системы (в грамматике — парадигмы, в лексике — лексической сферы или тематической группы элементов);

4) установление системы соответствий между сравниваемыми языками в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике, фразеологии;

5) установление относительной хронологии (наряду с безотносительной и для обоюдной проверки) фактов и явлений (языков, диалектов, разновидностей общенародного языка и т. д.);

6) установление родства языков, диалектов и т. п. на основании соответствий (доказательство родства языков — так называемая ретроспективная конвергенция: чем дальше от данного состояния и ближе к доисторическому состоянию, тем больше общего между сопоставляемыми языками);

7) восстановление фактов на основании системы соответствий между родственными языками, диалектами и т. п. и относительной хронологии (ср. пункт 5), устранение пробелов документальной истории языков;

8) использование при восстановлении фактов данного языка, диалекта и других аналогий из истории другого языка, диалекта и т. п. (как родственного, так и неродственного) в области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и т. д.;

9) учет результатов взаимодействия составных частей языка (явлений индукции: в грамматике — грамматической аналогии, в лексике — лексической контаминации);

10) учет результатов взаимодействия отдельных языков, диалектов и т. п. (прямые и косвенные заимствования, одностороннее и взаимное влияние; восстановление языкового субстрата и т. д.).

Вопреки существующему мнению относительно того, что сравнительно-историческое языкознание только отмечает изменения и восстанавливает факты, но не объясняет их, мы полагаем, что объяснение фактов и изменений также входит в задачи этой отрасли языкознания.

Еще Ф. де Соссюр говорил, что о б ъ я с н и т ь какое-либо явление в языкознании значит сослаться на то, что ему предшествовало, со-